

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

DOI: 10.31857/S0236200725010117

©2025 Л.Ю. ЯКОВЛЕВА

МЕСТА ЖИЗНИ: К ПРОБЛЕМЕ ПРОСТРАНСТВА В БИОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Д. АГАМБЕНА

Яковлева Любовь Юрьевна — кандидат философских наук, преподаватель.
Национальный исследовательский университет
Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО).
Российская Федерация, 197101 Санкт-Петербург,
Кронверкский пр., д. 49, лит. А.
ORCID 0000-0002-2440-2923
jakovleva.ljubov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема пространства в философии биополитики Д. Агамбена. Анализ логики пространства у Агамбена имеет значение в контексте пространственного поворота в гуманитарном знании, в гуманитарной географии и в урбанистике. В центре биополитической концепции находится связь жизни и политики. На примере первого тома *Homo Sacer* раскрывается и интерпретируется ряд процедур, задающих связь жизни и политики в античной культуре и в европейской культуре XX века. Экспликация и систематизация мест жизни позволяют выявить роль пространства в понимании биополитических техник управления населением.

Особое внимание уделяется роли языка, описанию пространства его структуры, определению оппозиций и стиранию различий в анализе пространства у Агамбена. Для систематизации различных определений пространства выделяются «места жизни» как особые формы организации пространства жизни человека и политики: место дома (*oikos*) и города (*polis*), место лагеря, место поэтического жеста. В формировании отношений этих мест играют роль известные концепты философии Агамбена: включающее исключение, зоны неразличимости. Данные отношения позволяют описывать места жизни в их динамике, неустойчивом равновесии, включать в рассмотрение пространственно-временные отклонения этих мест, их топологию. В результате проведенного анализа было показано, что лагерь как матрица современной жизни человека обусловлен особыми структурными особенностями организации жизненного пространства человека, особым «языком» пространства, формирующим его отношение к политике и жизни. Наряду с критикой биополитического пространства рассматривается возможность позитивного анализа жизни в творчестве Агамбена на примере пространства поэтического языка и политического жеста.

Ключевые слова: места жизни, голая жизнь, дом, город, лагерь, включающее исключение, зона неразличимости, биополитика.

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

Ссылка для цитирования: Яковлева Л.Ю. Места жизни: к проблеме пространства в биополитической концепции Д. Агамбена // Человек. 2025. Т. 36, № 1. С. 167–177. DOI: 10.31857/S0236200725010117

«Великой навязчивой идеей, неотступно преследовавшей XIX век, как известно, была история... Сегодняшнюю же эпоху можно, скорее, назвать эпохой пространства» [Фуко, 2006: 191] — этими словами Мишель Фуко начинает свою известную лекцию «Другие пространства», прочитанную им в 1984 году. Подтверждением диагноза, поставленного Фуко нашей современности, стал «пространственный поворот» в теории культуры, литературной теории, социологии, гуманистической географии [Günzel, 2010]. Немаловажную роль в становлении пространственного поворота сыграл структурализм и постструктурализм с их вниманием к пространству структуры языка, к проблемам локализации смысла, к топологии отношений [Делез, 1999]. В не меньшей степени вопрос о пространстве структуры задает концептуальную рамку для двух важнейших проектов биополитики М. Фуко и Д. Агамбена. Вопрос о структурных особенностях языка, о его возможностях распределять значения по определенным местам, размечать и формировать ландшафт человеческого существования обуславливает центральную проблему биополитики: проблему связи политики и жизни.

Так, в исследовании биополитики Д. Агамбен обращается к логике пространства суверена, изгнанника, беженца, заключенного в лагере или обычного жителя современного города. Подобный акцент на пространственных особенностях расположения упомянутых фигур вызывает большой интерес не только в области философии пространства [Layzelle, 2017], но и в сфере гуманистической географии [Ek, 2006; Giaccaria, Minca, 2011; Clarke, Doel, McDonough, 1996], теории города и урбанистики [Boano, Martén, 2013; Boano, 2017].

Предлагаемое исследование направлено на анализ и интерпретацию логики пространства жизни, представленную в первом томе цикла *Homo Sacer* — «Голая жизнь и суверенная власть» [Агамбен, 2011]. В соответствии с данной логикой жизнь занимает различные места: места дома и полиса, неопределенные места изгнания, места заточения. Для раскрытия смысла этих мест мы будем отвечать на такие вопросы, как: «Какие слова наделяют местом жизнь естественную и политическую?», «В каком измерении проговариваемого мы замалчиваем жизнь?», «Что происходит с порядком языка, когда жизнь находится на грани исчезновения?» Поставленные вопросы позволят нам приблизиться к центральному вопросу философии биополитики Д. Агамбена: как возможно появление биополитической парадигмы лагеря — особого места «обитания» фигуры *Homo Sacer* в XX веке? Наряду с критикой мест первого тома *Homo Sacer* мы наметим возможный горизонт мест высвобождения жизни в акте поэтического творения.

Для анализа жизни мы обратимся к внутреннему устройству и пространству структуры языка, к динамике ее пространства и к возможности трансформировать места реальные и эмпирические. Следует отметить, что подобная постановка вопроса послужит отправной точкой для дальнейшего изучения пространства в философии Агамбена, поскольку основные понятия для определения пространства жизни и политики Агамбен заимствует не только у структурного подхода, но и из работ немецкого философа К. Шмитта. Интерпретация шмиттовского понимания пространства, а также взаимонаполнение элементов структуристского подхода и теории Шмитта должны стать предметом последующих исследований.

Места жизни: *Oikos* и *polis*

В работе «К критике насилия» В. Беньямин отмечает: «Насколько человек... священен, настолько далекими от святости являются его состояния, его телесная жизнь, легко

уязвимая со стороны окружающих его людей... Стоило бы исследовать происхождение догмы о священности жизни» [Беньямин, 2012: 93]. Вопрос о происхождении священности жизни является центральным для биополитической теории Агамбена. Историю происхождения современного понимания жизни или, если точнее, современного «забвения» жизни [Salzani, 2015: 115] Агамбен начинает с рассмотрения терминов bios и zoe в Античности. Корень «bios», таким образом, становится одновременно точкой сближения и водоразделом двух важнейших концепций биополитики — Д. Агамбена и М. Фуко. В то время как Фуко обращается прежде всего к концу XVIII — началу XIX века, Агамбен внимателен к древнегреческому bios в Античном мире — симптуму уже различенной, размеченной и распределенной жизни. Bios — жизнь свободного гражданина полиса, обладающего речью, logos. Место bios — polis. Zoe описана как «природная, простая жизнь» [Агамбен, 2011: 8], которая «исключена из polis как такового и в качестве жизни чисто репродуктивной четко ограничена пространством oikos» [Агамбен, 2011: 8] (курсив мой. — Л.Я.). Руководствуясь противопоставлением дома (oikos) и города (polis), мы обратимся к прояснению статуса данных мест, их связи с языком и возможности человека занимать промежуточное место между домом и городом, становясь homo sacer.

Первый шаг, который совершает Агамбен при исследовании происхождения проблемы жизни, — это разметка «карты местности», которую предлагает древнегреческий язык: в месте дома располагается естественная, бессловесная, несвободная жизнь, связанная с рождением, возможностью насилия и смерти; в месте города сосредоточена свободная жизнь, построенная вокруг возможности политического действия и силы слова. Подобное различие было уже проведено ранее Х. Арендт в ее труде «*Vita activa*»: «Не прихотливое мнение или теория Аристотеля, но исторический факт то, что основанию полиса предшествовало уничтожение всех союзов, опиравшихся подобно фратрии или филе, на природно-естественное начало, т.е. на семью и кровное родство» [Арендт, 2017: 37]. Тем не менее уже на данном этапе следует отметить, что в отличие от приведенной цитаты Арендт, различие дома и города для Агамбена не носит исключительно исторический характер. Дом и город являются оппозициями, определенными значениями, элементами языка. Описание мест жизни предполагает выделение мест в пространстве языка, в соответствии с которыми мы можем обнаруживать места реальные, как они представлены в истории и теории. Таким образом, в дальнейшем, мы будем использовать сочетание «места жизни», предполагая их двойной смысл: как особый способ языка наделять жизнь пространственными значениями; как исторически сложившийся реальный способ организации жизненного пространства, например, в Древней Греции или в современной европейской культуре. В этом отношении сочетание «пространство» города, дома или лагеря имеет для нас более общее значение и используется для описания всей логики отношений между местами или внутри отдельного места в целом.

Подход Д. Агамбена к пространству позволяет использовать ресурсы структурной лингвистики в концептуализации жизни: не устремляться на поиск единого и вневременного основания жизни, которое по определению забыто, но выявлять серию значений жизни, оппозиций, точек, которые расчерчивают поле языка жизни. Жизнь не может быть явлена в качестве сущности, точки опоры, она отсутствует, но «сказывается» через оппозицию oikos/polis.

Для прояснения статуса мест дома и жизни следует обратиться к комментариям Ж. Делеза к подходу М. Фуко в статье «По каким критериям узнают структурализм?». С нашей точки зрения, описание пространства структуры у Делеза применимо как к методу Фуко, так и методу Агамбена. Так, в параграфе «локальное или позиционное» Делез подчеркивает: «Когда Фуко определяет такие детерминации как смерть, желание, труд, игра, то он рассматривает их не как измерения эмпирического

Л.Ю. Яковleva
Места жизни:
к проблеме
пространства
в биополитиче-
ской концепции
Д. Агамбена

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

существования, но прежде всего, как именования мест, или положений, которые делают занимающих эти места людей смертными и умирающими, работающими, играющими» [Делез, 1999: 140]. Чуть позже Делез поясняет, что это особое структурное или топологическое пространство, которое не следует смешивать ни с эмпирическим пространством, ни с пространством воображения. Подобное пространство языка присутствует и в труде Агамбена, о чем свидетельствует его внимание к понятию структуры [Агамбен, 2015: 43], выделение и дальнейшее стирание оппозиций, а также использование термина топология при выявлении логики суверенной власти [Агамбен, 2011: 53].

В то время как выявление базовых оппозиций — bios/zoe, oikos/polis — является первым методологическим ходом Агамбена, то второй шаг заключается в постепенном стирании данных различий, в поиске возможности их смешения. В первую очередь, пространство дома выстраивалось вокруг естественной жизни, а пространство полиса вокруг жизни в форме слова, действия, свободы. Тем не менее нам необходимо, согласно Агамбену, искать возможности языка обходить данное различие. Как отмечает У. Уоткин: «Обезразличьте оппозицию...общей основы... и вы уничтожите саму власть... контролировать то, что мы думаем, что мы говорим и то, что мы делаем посредством этих парадигм» [Уоткин, 2022].

Показательным примером такого стирания различий может послужить особое понимание пространства дома, которое не сводится только лишь к естественному состоянию. Так, в «Царстве и Славе» Агамбен показывает, что в пространстве дома мы можем наблюдать «управленческую природу экономики», которую он связывает «не только с потребностью в предметах и их использованием, но прежде всего с их упорядоченным расположением» [Агамбен, 2019: 40]. Там же мы находим ссылки на использование термина ойкономии в текстах, посвященных риторике, изучающей расположение отдельных тем в речи и сравнения дома с войском, кораблем и танцем у Ксенофonta. Показательно в этом отношении противостояние Аристотеля и Платона в вопросе о связи дома и города, приводимой Агамбеном в «Царстве и Славе»: «Как известно, у Платона разграничение между oikos и polis не обретает, как это происходит у Аристотеля, характера оппозиции...». [Агамбен, 2019: 46]. Акцент на управлении посредством особо организованного расположения демонстрируют, что область дома не может быть четко отделена от области города: в доме человек утрачивает непосредственность животной жизни путем управления и расположения его членов. Как подчеркивает, А. Погребняк, описывая понимание экономики у Агамбена: «Принципиально, что экономика схватывается здесь в зоне неразличимости социального и биологического, целей и средств» [Погребняк, 2019: 174].

После первого шага — выявления оппозиций, второго шага — расшатывания и стирания оппозиций, Агамбен выполняет заключительный шаг — выявление зон неразличимости.

Место жизни Homo Sacer: зона неразличимости

Понятие зоны неразличимости является важнейшим концептом в философии Агамбена. Функция данных зон становится более ясной благодаря описанным выше методологическим процедурам по выявлению и стиранию оппозиций. Возможность проводить и разрушать границы различных противопоставлений: животного и человека, естественного и политического, частного и публичного исходит из данной зоны неразличимости, которая изначально принадлежит самому пространству языка. Именно благодаря этому промежуточному «месту», мы можем обнаруживать в истории европейской культуры не только строгие

оппозиции, но скорее «полюса, представляющие из себя два типа движения...» [Gilson, 2007: 98] и в пределе приводящие к неразличимости.

Пространства *oikos* и *polis*, как было показано, не только противостоят друг другу как две независимые друг от друга величины, два локуса различных образов жизни, но и находятся в теснейшей связи друг с другом. Когда человек покидает стены дома и реализует свои возможности как существо политическое, то есть действующее и говорящее, то несвободная и безмолвная жизнь, оставленная им в «четырех стенах» не исчезает полностью, ее невозможно устраниТЬ. Некая незримая связь с голой жизнью сохраняется даже тогда, когда, казалось бы, от нее не должно было остаться и следа: «Политика существует потому, что человек — живое существо, которое отделяет от себя и противопоставляет себе посредством языка свою собственную голую жизнь и в то же время остается связанным с ней через включающее исключение» [Агамбен, 2011: 15]. Фигура *Homo Sacer* рождается в результате данной процедуры включающего исключения, т.е. в результате исключения голой жизни и ее одновременного включения в поле политического.

При разработке понятия голой жизни в первом томе цикла *Homo Sacer* Агамбен отталкивается, прежде всего, от концепции голой жизни (*bloßes Leben*) у Вальтера Беньямина. В философии Агамбена голая жизнь *Homo Sacer* проявляется как зое, как просто естественная жизнь, у которой нет никаких возможностей, кроме самого необходимого — в его жизни остается только питание и продолжение рода. С другой стороны, низведение до такой жизни, где мы не можем отличить человека от животного, зависит от воли Суверена, который в любой момент может осуществить насилие над таким существом, то есть окончательно лишить его жизни.

В рамках прочтения античных мест жизни, дом и город, *oikos* и *polis* представляли собой либо различные, либо слабо связанные друг с другом территории существования. Жизнь человека, оказавшегося в статусе *homo sacer*, перестает быть закрепленной за каким-либо местом, попадая в не-место, в особый локус, лишенный определенных пространственных характеристик. Такой человек несет на себе след вытесненной безмолвной голой жизни, поскольку может быть изгнан из государства по тем или иным причинам.

С целью ответить на вопрос о том, как возможно возникновение такой фигуры, как *Homo Sacer*, внутри политической жизни, следует выявить специфику отношения между *homo sacer* и Сувереном. Первая форма отношения между сувереном и *homo sacer* — человеком, например, изгнанным из древнегреческого полиса, — это исключение из сферы политической жизни. Однако такое исключение являются включающим, так как оно в негативной форме продолжает поддерживать с ним отношения: исключение осуществляется по решению самого суверена и выносится в рамках действующих законов. Также суверен в любой момент вправе отнять жизнь у *Homo Sacer*, то есть он помещает эту жизнь во внеправовое поле, где, говорит Агамбен, «все становится возможным». Отсюда следует, что «Суверенное исключение (как зона неразличимости между природой и правом) является допущением правового отношения в форме его приостановки» [Агамбен, 2011: 30]. Выпадая из-под действия норм, *Homo Sacer* оказывается в перманентном чрезвычайном положении, которое объявляется сувереном.

В операции включающего исключения раскрывается важнейший момент в логике организации мест жизни: исчезновение различий между внешним и внутренним, производство «зоны неразличимости». Попадая в эту сумеречную зону неразличимости, субъект как бы не находит себе места: он уже покинул стены дома, но он также покинул город, «он покинут законом, именно оставлен незащищенным на пороге» [Агамбен, 2011, 41].

Жизнь в зоне неразличимости, низведенная до чисто биологических потребностей и воплощающая чисто природное состояние, выступает чем-то внешним

Л.Ю. Яковлева
Места жизни:
к проблеме
пространства
в биополитиче-
ской концепции
Д. Агамбена

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

по отношению к жизни политической, тем не менее последняя вбирает в себя эту инаковость путем производства, изгнания, заточения и в пределе — путем убийства фигуры, именуемой *homo sacer*. Такой механизм включающего исключения, лежащий в основе отношений правовых норм с областью природы, обнаруживается уже на уровне самой структуры языка. Агамбен подчеркивает, что вслед за Гегелем, мы можем утверждать, что именно язык может проводить границу между внутренней языковой областью и внешней неязыковой областью. Отношение к тому, что языком не является, заставляет язык находиться «вне себя самого», так же как Суверен, низводя *homo sacer* до голой жизни, сам располагает себя по ту сторону права, в сферу природы, насилия в форме чрезвычайного положения, приостанавливающего действие законов во внутренней области политического. Внешнее перемещается во внутреннее, и между ними возникает зона *неразличимости*. Отсюда известное утверждение Агамбена, что «Язык является сувереном, который в постоянном чрезвычайном положении объявляет, что положения вне языка не существует» [Агамбен, 2011: 30], и одним этим жестом исключения он одновременно возвращает внеязыковое (или внеправовое, голую природу) в центр своих действий.

С одной стороны, мы видим, что в языке может идти речь о денотации конкретных случаев, об обозначении норм для определенных областей, например: нормы дома и нормы города должны отличаться друг от друга; сфера права предполагает область соблюдения норм и область нарушения норм. Однако существует такая область языка, которая обуславливает конкретные акты денотации, наделения различных сфер сущего значением, артикуляцию сущего, распределение позиций языка. Данная область является внешней по отношению к конкретным значениям, но тем не менее она всё ещё принадлежит сфере языка. Именно эту сферу можно назвать зоной *неразличимости*, поскольку она не актуализировала никакое значение, она — стихия виртуального, возможного и именно благодаря ей все актуализируется и разносится по различным местам языка. В этом отношении она не обладает статичностью и близка той сфере, которую Делез называл смыслом, описанным как особое динамическое поле, наделяющее динамикой всю структуру языка [Делез, 1999: 159, 164].

Именно этот раскол между доязыковым полем смысла и определенными фиксированными значениями пытается преодолеть Суверен в форме включающего исключения. В данной процедуре отделяется и подвергается исключению доязыковое поле чисто животной физиологической жизни. Однако подобное исключение не предполагает полного забвения, вытеснения, табуирования голой *внешней* бесформенной жизни. Напротив, отныне изгнанная, она становится предметом его «заботы», одной из его насущных задач, которые в пределе сводятся к перенесению ее *внутрь*, в эпицентр всевозможных техник управления этой жизнью и ее уничтожения.

Жест выделения, расположения, помещения жизни в зону *неразличимости* является парадоксальным, поскольку сама зона *неразличимости*, подобно сфере смысла в языке, не обладает статусом наличного бытия, она является ускользающим неэrimым виртуальным динамическим промежутком, обуславливающим какие-либо будущие различия. Тем не менее этот невозможный жест по стиранию черт человеческой жизни в форме заточения его существования в безликую полуживотную жизнь постоянно воспроизводится в западноевропейской истории — от решений об изгнании в Древней Греции до постройки концлагерей в XX веке. Возможность создавать человека «без лица» и помещать его в реальные пространственные границы, является актом низведения полноты жизни до чистого наличия, до голой жизни. Сама эта возможность коренится не просто в определенном политико-правовом поле европейской культуры, но в самих структурных особенностях ее языка.

Места жизни: от пространств лагерей к поэтическому жесту

Особую роль в пространственном воплощении зон неразличимости играет пространство лагеря, который Агамбен называет «парадигмой современности» [Агамбен, 2011: 217]. Проблематизация пространств концентрационных лагерей предполагает рассмотрение лагеря как предельного проявления биополитических техник управления жизнью, а также как некой модели, которая определяет различные пространства современных городов. Наибольшую значимость в этом отношении приобрела аналитика топологии лагеря Агамбена в области гуманитарной географии в связи с такими темами, как территориальное планирование и география Третьего Рейха [Charlesworth 2004; Clarke, Doel, & McDonough, 1996; Elden, 2003] и исследование пространства Гуантанамо [Ek, 2006; Raulff, 2004].

Как и любой другой жест отделения и помещения голой жизни в конкретное место, заключение человека в лагере содержит указанный ранее парадокс — возможность придать пространственно-временные границы принципиально непространственному измерению реальности. Когда подобное измерение неразличимости материализуется, оно приобретает форму концентрационного лагеря, где неразличимость проживается как стирание черт лица, имени, каких-либо прав, как абсолютно голая жизнь.

Исследователи пространства Аушвица, географы Гиаккарья и Минка, опираясь на Агамбена, подчеркивают, что в лагере постоянно нарушается, сбивается, исчезает четкая разметка карты лагеря, его топография, становясь сложно локализуемым пространством-порогом между внешним и внутренним, между пространством гражданского населения города и пространством исключенных. Постройки лагерей, таким образом, воплощают в себе возможность материализации зоны неразличимости — неразличимости жизни и смерти, права и беспрavия, человеческого и животного. Воплощение голой жизни и превращение живущих в *homo sacer* словно разъедает пространственную определенность, стирает материальные границы, производя пороги, не-места и пустоты, не поддающиеся расчету. При этом лагерь, с точки зрения Агамбена, как главное биополитическое устройство современности может служить в качестве модели современного города как такового, поскольку в его центре по-прежнему находятся биополитические техники управления жизнью. В этом отношении и лагеря и зоны ожидания для беженцев, а также территории закрытых жилых комплексов, направленных на безопасность жизни, продолжают логику «заботы» и управления голой жизнью.

Первый том *Homo Sacer* представляет зону неразличимости только в контексте критики биополитики, критики обнажения жизни и помещения ее в невозможные условия, в не-места. В этом отношении зона неразличимости «производится» и надеяется статусом присутствия посредством особой операции включающего исключения. Вместе с тем философия Агамбена предполагает иные «процедуры» обращения с внешним, с не-местом, со стиранием различий. Одной из таких форм является место поэтического жеста как возможности языка работать в иной логике, в иной модальности, отличной от той, в которой все становится действительным, и даже слияние жизни и смерти.

Язык поэзии является особым способом взаимодействия с областью, которая выходит за границы четких позиций, артикулированных оппозиций, значений. Данную область выше мы сравнили с делезианской трактовкой области смысла, который принадлежит самой стихии языка, но никогда не осуществляется в качестве конкретного значения. Посредством поэтической работы языка жизнь человека перестает отделяться от своей формы и переходит в особое измерение «формы-жизни». Как поясняет А. Погребняк: «Агамбен использует понятие «форма-жизни», чтобы описать ситуацию, когда жизнь без остатка переходит в свою форму (образ, этос, привычку), так что от нее невозможно отделить чисто биологический субстрат («голую жизнь»)» [Погребняк, 2019: 186].

Л.Ю. Яковлева
Места жизни:
к проблеме
пространства
в биополитиче-
ской концепции
Д. Агамбена

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

Поэзия в таком случае позволяет прислушиваться к незримому, не присутствующему потоку смысла и напоминает о возможности самой жизни. Именно здесь вновь заявляет о себе зона неразличимости — звучание поэтического слова преодолевает различие «мест» трансцендентного и имманентного, внешнего и внутреннего. Так, зона неразличимости трансформируется из безликой сумеречной зоны голой жизни в *мерцающую* зону формы-жизни. Но что же представляет из себя сама эта жизнь, прорывающая устойчивые локусы дискурса и уклоняющаяся от смертельных сумеречных зон биополитики?

Для ответа на данный вопрос приведем достаточно емкую цитату исследовательницы Агамбена Агаты Билик-Робсон, позволяющую собрать воедино разнообразие аспектов формы-жизни: «В агамбеновском фантастическом переизобретении биополитической парадигмы “просто человеческая жизнь” — это не bios, то есть жизнь, дисциплинируемая культурой, и не zoe, то есть природная и животная жизнь. Это биоморфная жизнь, которая не может полагаться только на физиологию: она также требует символической культуры, но не такой, которая формировалась бы идеальный bios, трансцендирующий потребности жизненного порядка... а такой, которая бы учила человеческую жизнь не хотеть ничего большего, чем она сама, — учила бы новому языку, упрощающему желанное совпадение bios и zoe как имманентную, не навязываемую больше извне *forma-di-vita*» [Робсон-Билик, 2023, 100]. Совпадение bios и zoe, стирание различия между ними, зона неразличимости между жизнью животной и человеческой становится возможной благодаря поэтическому языку, который не требует символической глубины, какого-то иного трансцендентного измерения по отношению к миру, в котором обитает человек, но напротив располагает его в поле имманентности жизни. Поиск особого пустого “места”, где обитала бы жизнь, а также концептуализация подобного места или особой зоны неразличимости сближает взгляды Агамбена на концепт жизни и ее отношение к языку с позициями Жиля Делеза.

Так, в статье «Абсолютная имманентность» [Agamben, 2000] Агамбен указывает на значимость работы Жиля Делеза «Имманентность: некая жизнь» [Делез, 2019], в которой сама жизнь описывается как особое измерение, не принадлежащее отдельному индивиду, но и не выходящее полностью за границы человеческого существования. Делез иллюстрирует свое понимание жизни на примере фрагмента из книги Диккенса: к главному персонажу, готовому уйти из жизни, внезапно начинает возвращаться жизнь как особое состояние, которое не принадлежит ему самому. Агамбен подчеркивает, что в этой сцене возвращающейся жизни мы можем вновь выявить зону неразличимости, а именно: неразличимости жизни и смерти, стирания четких различий между ними. От внимания Агамбена не ускользает и другой случай «жизни», приводимый Жилем Делезом — это лица младенцев, на которых словно присутствует печать до-индивидуальных черт — мимики и жестов. Мерцающая текстура поэтического языка для Агамбена способна приблизить нас к такому пониманию жизни, ведь таким образом язык не сводится к передаче застывших безжизненных значений, не сводится он и к определенному акту речи, но особым образом *бездействует*, уступая место неразличимости жизни.

Подобно поэтическому языку Агамбен рассматривает возможность политического жеста как особой формы дезактивации, приведения в бездействие существующего политического дискурса с его неизбыtnым разделением жизни на частную и публичную, на zoe и bios. Одним из примеров такого сообщества для Агамбена является движение ситуационизма, которое стремилось переосмысливать городское пространство и архитектуру в противовес существующим нормам передвижения по городу. Оно не представляло собой традиционную форму политических протестов, выдвигающих определенные требования и прямо или косвенно настаивающих на собственной идентичности. Напротив, противостояя деятельному образу жизни и используя технику дрейфа, ситуационисты изобретали ситуации как альтернативные формы освоения городских территорий. Отклонение от маршрутов официальных карт позволяло уклоняться

от навязанного капитализмом образа города, преодолевать границы между нормой и не-нормой, запрещенными и открытыми территориями. Как отмечает в этом отношении Агамбен: «Переход на северо-запад географии реальной жизни» — это пункт неразличимости между жизнью и искусством... это политика, наконец достигшая высоты... их утопия опять же абсолютна «уместна», потому что размещается в самих процессах, которые она стремится разрушить» [Агамбен, 2015: 81].

Таким образом, бездеятельность и сила возможности, исходящая из жизни поэтического языка и политического жеста, смешает устоявшиеся формы языка и нормы существования, позволяет преодолевать кажущиеся ранее незыблемыми границы мест, прокладывает пути между ними и открывает горизонт для бесконечных «водоворотов» слова, мысли и поступка.

* * *

Опираясь на первый том цикла *Homo Sacer*, мы показали значимость пространственных фигур и элементов в понимании биополитики итальянского философа. Центральная задача состояла в том, чтобы продемонстрировать роль анализа структуры как условия формирования представлений человека о пространстве жизни и политики на различных этапах европейской истории. В этом отношении вопрос о связи жизни и политики как центральный вопрос биополитики ставится Агамбеном не с точки зрения истории права или истории культуры, но с точки зрения условий возможности рождения биополитики. Выявление структуры языка позволяет выявить закономерности определенных значений, которые мы приписываем нашему пониманию жизни в ее отношении к сфере политики. Именно пространство языка влияет на то, смешиваем ли мы личную жизнь и область политического, ведем ли мы себя аполитично, готовы ли мы передать вопросы заботы о своем здоровье и телесном благосостоянии государству.

В ходе исследования мест жизни особое значение имела систематизация и интерпретация методологических процедур, позволяющих описывать логику пространства жизни и политики. В результате проведенного анализа понятие зоны неразличимости было раскрыто в качестве центрального в понимании пространства жизни. Именно благодаря данному понятию возможно выявить динамику мест жизни, раскрыть важнейшую процедуру включающего исключения, появление феномена голой жизни, рождение фигуры homo sacer и фигуры Суверена, продемонстрировать топологию лагеря и отношение к жизни в пространстве современного города. Вместе с тем данное понятие выступает поворотным пунктом при переходе от критического проекта биополитики к позитивному проекту, осмысляющему место поэтического и политического жеста.

Предлагаемое исследование является введением в проблематизацию роли пространства в философии Джорджо Агамбена и должно послужить началом для более обстоятельного анализа иных концептуальных контекстов в работах итальянского философа.

Places of Life: on the Problem of Space in the Biopolitical Concept of G. Agamben

Lyubov I. Iakovleva

CSc in Philosophy, Lecturer.

National Research University ITMO.

49 lit. A, Kronverksky Ave., St. Petersburg 197101, Russian Federation.

ORCID 0000-0002-2440-2923

jakovleva.ljubov@yandex.ru

The article examines the problem of space in the philosophy of biopolitics of G. Agamben. Agamben's analysis of the logic of space is important in the context of the spatial turn in humanities, including human

Л.Ю. Яковлева
Места жизни:
к проблеме
пространства
в биополитиче-
ской концепции
Д. Агамбена

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

geography and urban studies. At the center of the biopolitical concept is the connection between life and politics. Using the example of the first volume of *Homo Sacer*, a number of procedures are revealed and interpreted that define the connection between life and politics in ancient culture and in European culture of the 20th century. Explication and systematization of places of life allows us to identify the role of space in understanding the biopolitical techniques of population control. Particular attention is paid to the role of language, structural space, definition and further blurring of oppositions in Agamben's analysis of space. To systematize the various definitions of space, "places of life" are distinguished as special forms of organizing the space of human life and politics: the place of the home (*oikos*) and the city (*polis*), the place of the camp, the place of the poetic gesture. Well-known concepts of Agamben's philosophy play a role in shaping the relationships of these places: inclusive exclusion, zones of indiscernibility, suspension of differences. These relationships make it possible to describe places of life in their dynamics, unstable equilibrium, and to include into consideration the spatiotemporal deviations of these places and their topology. It was shown that the camp as a matrix of modern human life is determined by the special structural features of the organization of a person's living space, the special "language" of space that shapes his attitude to politics and life. Along with the criticism of places, using the example of the space of poetic language, the possibility of a positive analysis of life in Agamben's work is considered.

Key words: places of life, bare life, home, city, camp, inclusive exclusion, zone of indiscernibility, biopolitics.

For citation: Iakovleva L.I. Places of Life: on the Problem of Space in the Biopolitical Concept of G. Agamben // Chelovek. 2025. Vol. 36, N 1. P. 167–177. DOI: 10.31857/S0236200725010117

Литература/References

- Агамбен Д. Искусство, без-деятельность, политика // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. № 1. С. 41–46.
- Agamben G. *Iskusstvo, bez-deyatel'nost', politika* [Art, Inactivity, Politics]. *Sociological Review*. 2007. Vol. 6. N 1. P. 41–46
- Агамбен Д. Средства без цели. М: Гиляя, 2015.
- Agamben D. *Sredstva bez tseli* [Means without Purpose]. Moscow: Gileya' Publ., 2015.
- Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.
- Agamben G. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life]. Moscow: Evropa Publ., 2011.
- Агамбен Д. Царство и слава. Москва, Санкт-Петербург: Изд-во института Гайдара, 2019.
- Agamben G. *Tsarstvo i slava*. [Kingdom and Glory]. Moscow, St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House Publ., 2019.
- Билик-Робсон А. Reditus к преднамеренной незрелости: регрессии Джорджа Агамбена // Versus. 2023. № 2. С. 75–113.
- Bielik-Robson A. *Reditus k prednamerennoy nezrelosti: regresii Dzhordzho Agambena* [Reditus into Self-Inflicted Immaturity: Agamben's Regression]. Versus. 2023. N 2. P. 75–113.
- Делез Ж. По каким критериям узнают структурализм / Делез Ж. Марсель Пруст и знаки: Статьи. СПб.: Алетейя, 1999. С. 133–174.
- Deleuze G. *Po kakim kriteriyam uznayut strukturalizm* [How do we recognize structuralism]. Deleuze G. *Marsel' Prust i znaki* [Marcel Proust and signs: Articles]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 1999. P. 133–174.
- Делез Ж. Имманентность: некая жизнь... // EINAI: Философия. Религия. Культура. Т.10, № 1(19) 2021. С. 229–235.
- Deleuze G. *Immanentnost': nekaya zhizn'*... [Immanence: a Life...]. *EINAI: Philosophy. Religion. Culture*. 2021. Vol. 10, N 1(19). P. 229–235.
- Арендт Х. Vita Activa, или О деятельности жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Arendt H. *Vita Activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Human condition]. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2017.
- Беньямин В. К критике насилия / Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012.

- Benjamin W. *K kritike nasiliya* [Towards the Critique of Violence]. Benjamin W. The doctrine of similarity. Media aesthetic works. Moscow: RGGU Publ., 2012.
- Платон. Критон / Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1990. С. 97–111.
- Platon. *Kriton* [Crito] Platon. *Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Works: in 4 vol.] Moscow: Mysl Publ., 1990. P. 97–111.
- Погребняк А.А. *Licentia poetica: тайна экономики и сила инверсии* // Логос. 2019. Т. 29. № 6. С. 171–198.
- Pogrebnyak A.A. *Licentia poetica: tayna ekonomiki i sila inversii* [Licentia poetica: the secret of economics and the power of inversion]. *Logos*. 2019. Vol. 29, N 6. P. 171–198.
- Фуко М. Другие пространства / Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Практис, 2006. Ч. 3. С. 191–205.
- Foucault M. *Drugije prostranstva* [Other Spaces]. Foucault M. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 3. Moscow: Praxis Publ, 2006. P. 191–205.
- Фуко М. Великое заточение / Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: Аст, 2010. С. 59–97.
- Foucault M. *Velikoye zatocheniye* [The Great Imprisonment]. Foucault M. History of Madness in the Classical Age. Moscow: Ast Publ, 2010. P. 59–97.
- Уоткин У. Агамбен, Беньямин и безразличие насилия. URL: <https://spectate.ru/watkin-violence/> (дата обращения: 30.03. 2024).
- Watkin W. *Agamben, Ben'yamin i bezrazlichkiye nasiliya* [Agamben, Benjamin and the indifference of violence]. URL: <https://spectate.ru/watkin-violence/> (accessed: 30.03.2024).
- Agamben G. Absolute immanence// Agamben. Potentialities. Collected Essays in Philosophy. Stanford: Stanford University Press. 2000. P. 220–242.
- Agamben G. Life, A Work of Art Without An Author: The State of Exception, the Administration of Disorder and Private Life. *German Law Journal*. 2004. N 5. URL: <https://16beavergroup.org/articles/2005/03/25/rene-interview-with-giorgio-agamben-life-a-work-of-art-without-an-author/> (accessed: 30.03. 2024).
- Boano C. Martén R. Agamben's urbanism of exception: Jerusalem's border mechanics and biopolitical strongholds. *Cities*. 2013. Vol. 34. P. 6–17.
- Boano C. The Ethics of a Potential Urbanism. Critical Encounters between Giorgio Agamben and Architecture. Taylor and Francis, 2017.
- Charlesworth A. Contesting Places of Memory: the Case of Auschwitz. *Environment and Planning D: Society and Space*. 1994. N 12(5). P. 579–593.
- Charlesworth A. The Topography of Genocide. In: D. Stone (Ed.). *The historiography of the Holocaust*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P. 216–251.
- Clarke D. B., Doel M. A., & McDonough F. X. Holocaust Topologies: Singularity, Politics and Space. *Political Geography*, 1996. 15(6/7). P. 457–489.
- Giaccaria P., Minca C. Topographies/Topologies of the Camp: Auschwitz as a Spatial Threshold. *Political Geography*. 2011. Vol. 30, Iss. 1. P. 3–12.
- Gilson E. C. Zones of Indiscernibility the Life of a Concept from Deleuze to Agamben. *Philosophy Today*. 2007. N 51 (5). P. 98–106.
- Günzel S. Raum. (Hg.) Raum. Ein interdisziplinäres Handbuch. Stuttgart, Weimar: Metzler Verlag, 2010.
- Ek R. Giorgio Agamben and the Spatialities of the Camp: an Introduction. *Geografiska Annaler B*, 2006. N 88(4). P. 363–386.
- Layzelle L. G. Topologies of Abandon: Locating Life in the Philosophy of Giorgio Agamben: Thesis. Sussex: University of Sussex, 2017.
- Martin L., Secor A.J. Towards a Post-mathematical Topology. *Progress in Human Geography*. 2014. N 38(3). P. 420–438.
- Raulff U. An interview with Giorgio Agamben. *German Law Journa*. 2004. N 5(5). P. 609–614.
- Salzani C. From Benjamin's *bloßes Leben* to Agamben's *nuda vita*: A Genealogy. Salzani Moran B. (ed.). *Towards the critique of violence: Walter Benjamin and Giorgio Agamben*. London, New York: Bloomsbury, 2015. P. 109–123.

Л.Ю. Яковлева
Места жизни:
к проблеме
пространства
в биополитиче-
ской концепции
Д. Агамбена